

Глава 20. Малыш очнулся

Получив разрешение, Лю Мухань бережно снял мальчика с телеги и занёс в дом.

Девчушка семенила следом. Разглядывая бледное личико найдёныша, она долго крепилась, но в конце концов не выдержала и засыпала гостя вопросами:

— Он заболел, да? Сильно? А ты его старший брат? Везёт же ему с тобой...

Лю Мухань аккуратно устроил малыша на деревянном стуле и терпеливо ответил на каждый вопрос:

— Да, он очень болен. Но я его брат, поэтому обязательно его выхожу.

— Вот оно как, — протянула девочка, понимающе кивнув.

— Сяо Чжи, налей-ка гостям каши. В котелке ещё оставалось немного, — раздался из глубины дома хриплый, надсадный голос. Хозяин разразился тяжёлым кашлем — судя по звукам, болезнь и его не обошла стороной.

Сяо Чжи послушно кивнула и поспешила на кухню:

— Сейчас, А-Е!

Пока девочка хозяйничала у печи, Лю Мухань осмотрелся. Жилище оказалось ещё более убогим, чем он предполагал. В домах работающих крестьян, у которых дела шли ладно, под потолком обычно томились окорока или полосы вяленого мяса, припасённые на чёрный день. Здесь же не было и намёка на съестные припасы.

Поношенная одежда Сяо Чжи, сплошь покрытая разномастными заплатками, лишь подтверждала безрадостную картину: обитателям этого дома приходилось несладко.

Вскоре Сяо Чжи вернулась, бережно неся две миски с жидким варевом.

Края посуды шербились сколами, потемневшие бока покрывала сеточка трещин. Со стороны миски казались грязными, но Лю Мухань понимал: дело вовсе не в неряшливости хозяев. Это была та неистребимая серость, которая со временем намертво въедается в дешёвую глину. Сколько её ни три, былой белизны уже не вернуть.

Не подав виду, Лю Мухань принял угощение, попросил ложку и, устроившись напротив спящего ребёнка, принялся терпеливо, каплю за каплей, вливать тёплую жижу ему в рот.

Мальчик не открывал глаз, но его состояние явно улучшилось. Если вчера он не мог сделать и глотка соевого молока, то сейчас беззвучно сглатывал еду. «Ещё немного, и очнётся», — с облегчением подумал юноша.

Варево всё же стекало по безжизненным губам, пачкая подбородок. Лю Мухань раз за разом, с мягкой настойчивостью, бережно вытирал его пальцами.

Понаблюдав за ними немного, Сяо Чжи юркнула за занавеску в жилую половину и зашептала:

— А-Е, там такой маленький мальчик... Совсем занемог, даже глаз открыть не может.

— Не нашего ума дело... Кхм-кхм... — отозвался старик, закашлявшись с новой силой.

— Но А-Е, — робко возразила внучка, — может, мне всё-таки сходить в деревню за снадобьем? Дедушка Ван предупреждал, что нельзя так запускать болезнь.

— Не нужно переводить добро, — отрезал дед. — Обойдётся. Само пройдёт через день-другой. Не забивай себе голову глупостями.

— Но А-Е...

— Будет тебе! Сказано — пройдёт, значит, пройдёт. Занимайся своими делами.

Сидя в сенях, Лю Мухань продолжал кормить спящего мальчугана. От чужих слов на душе сделалось невыразимо тоскливо. Но как бы сильно ни щемило сердце, он понимал: помочь всем несчастным этого мира ему не под силу. Его возможности не безграничны, и выше головы не прыгнешь, будь у тебя хоть восемь рук.

Когда с кормлением было покончено, Лю Мухань без брезгливости доел то, что осталось на дне.

Назвать это месиво кашей можно было лишь с большой натяжкой — рисинки в нём попадались от силы раза два-три. В основном похлебку заменяла серая жижа из наскоро растолчённого картофеля и батата. Вкус у неё был пресный, но выбирать не приходилось — для голодного путника любая пища в радость.

Опустошив миску, он поднялся было, чтобы спросить, где можно её сполоснуть, но Сяо Чжи уже выпорхнула из-за занавески и перехватила посуду:

— Оставь, оставь, я сама вымою.

Юноша не стал спорить, но негромко спросил:

— Вы здесь совсем одни, вдвоём с дедушкой?

— Да, — обыденно отозвалась девочка. — Мой старший брат ушёл воевать несколько лет назад. С тех пор ни весточки. За это время из нашей деревни, да и из соседних тоже, угнали всех крепких мужиков. Почти никто не воротился. Когда забирать стало некого, принялись за девчат... Я бы тоже ушла на фронт, брата искать, да только А-Е сердится, не пускает.

К концу фразы её голосок упал до едва различимого шепота.

Лю Мухань посмотрел на сиротливую фигурку девочки, окинул взглядом пустую избу и мягко произнёс:

— Подожди-ка здесь.

Выйдя к телеге, он запустил руку в мешок и вернулся с увесистым кульком батата и небольшим полотняным мешочком отборного риса. Положив припасы на щербатый стол, юноша улыбнулся:

— Особого богатства у меня нет, но примите хотя бы это. Надеюсь, пригодится.

Увидев такое богатство, Сяо Чжи испуганно замахала руками:

— Ой, нет-нет! Зачем же столько? Не надо! Отсыпь только за то, что съели, мы даром чужого не берём!

Лю Мухань придвинул мешочки ближе к ней:

— Это не даром. Видишь ли, мне очень нужно сено для Картофелины. Он парень прожорливый, а у меня запасы соломы на донышке. Давай поменяемся? Сколько не жалко, столько и насыпь.

Девчушка порывалась сказать, что сухая солома в деревне и ломаного гроша не стоит, но щедрые дары Лю Муханя могли кормить их с дедом несколько дней. Стиснув зубы от нахлынувшей благодарности, она решительно кивнула:

— Хорошо. Пойду набью мешки.

Пока Сяо Чжи возилась на сеновале, Лю Мухань подошёл к мальчику и осторожно коснулся его лба. Жар спал, дыхание выровнялось. На душе у юноши окончательно отлегло — худшее явно осталось позади.

Время близилось к полудню, пора было отправляться в путь. Перед тем как поднять найдёныша, Лю Мухань сделал вид, будто ищет что-то в складках халата, а сам тайком извлёк из пространственного хранилища несколько спелых плодов и пучок сушёных целебных трав. Он помнил, что этот сбор отлично помогает от надсадного кашля, хотя и не знал наверняка, справится ли он с застарелой хворью старика. Вред сорные травы принести не могли, к тому же лекарь в деревне имелся — в крайнем случае старик покажет сбор ему.

Аккуратно сложив подношение на край стола, Лю Мухань бережно поднял малыша на руки и шагнул во двор. На пороге он едва не рассмеялся: Картофелина к этому моменту напоминал ходячий стог сена. Сяо Чжи с упорством заправского грузчика пыталась приладить к его бокам ещё одну неподъёмную охапку. Не останови её Лю Мухань сейчас, бедный осёл просто скрылся бы под горой сухой травы.

Юноша поспешно умерил пыл маленькой труженицы:

— Стой-стой, Сяо Чжи, довольно! Куда же столько? Ему и этого на неделю хватит.

Она обернулась, вытирая пот со лба:

— Да ладно тебе, травы не жалко! Гляди, сверху ещё место есть, сейчас пристрою.

— Да куда ему столько, — так и прыснул Лю Мухань. — Он же под таким весом с места не сдвинется, упадёт ещё!

Словно в опровержение его слов, Картофелина оглушительно и радостно взревел на всю улицу, выражая полнейший восторг от того, что его превратили в ходячую кормушку.

Пришлось юноше мягко настоять на своём:

— И всё же довольно. Спасибо тебе большое, Сяо Чжи. Теперь мой упрямец долго голодать не будет.

— Ну, как знаешь, — разочарованно протянула девчушка, но всё же украдкой умудрилась запихнуть последнюю горсть соломы в щель между верёвками. — Под твою ответственность! Не говори потом, что я пожадничала.

— Моя-моя, — рассмеялся Лю Мухань. — Нам действительно пора. Ещё раз спасибо за угощение, похлебка знатная вышла.

Он бережно уложил сонного найдёныша на расстеленное в телеге стёганое одеяло, устроился на краю повозки и помахал рукой:

— Прощай, Сяо Чжи!

Девочка замахала обеими руками вслед — теперь она выглядела куда живее и веселее, чем при первой встрече.

— Счастливого пути! Прощайте!

Повозка медленно тронулась с места. Сяо Чжи долго стояла у ворот, провожая путников взглядом, пока они не скрылись за дорожным поворотом. Лишь тогда она вернулась в избу и тут же замерла перед столом.

— А-Е! Гляди скорее! Тут лечебная трава и сладкие плоды!

Сгребя неожиданные дары в подол, она радостно вбежала в жилую половину.

Из полумрака донёсся тяжёлый, надсадный кашель, но в тусклых глазах старого крестьянина впервые за долгое время забрезжил огонёк надежды.

— Добрая травка... — прохрипел он, разглядывая принесённый сбор. — Завари-ка её, дочка. А ягоды сама съешь... Хороший юноша. Редкой души человек.

— Сейчас всё сделаю, А-Е! — весело отозвалась внучка.

Тем временем Лю Мухань неспешно правил повозкой. Странное дело: чем дальше они продвигались по пыльному тракту, тем пустыннее становилась местность. Жильё больше не попадалось вовсе.

Убедившись, что на дороге они одни, он принялся незаметно переправлять навьюченные на Картофелину охапки сена в пространственное хранилище.

— И-а-а-а! — недовольно взревел длинноухий, заметив, как тают его съестные запасы.

— Ишь ты, раскудахтался! — беззлобно отозвался Лю Мухань. — Ты чего возмущаешься-то? Я же о твоей хребтине забочусь! Навешал на себя неподъёмную гору, не ровён час копыта откинешь. Да и мне из-за этих зарослей дороги впереди не видать. Ну и упрямая же ты скотина, Картофелина!

— Фыр-р... — фыркнул осёл, смиряясь со своей участью.

Лю Мухань оставил лишь пару небольших вязанок по бокам упряжи — так и Картофелине идти стало легче, и обзор дороги впереди освободился.

В этой безмолвной глуши, за неимением других собеседников, юноша умудрялся преотлично ладить с домашней скотиной. Один болтал без умолку, второй внимательно слушал, изредка поводя ушами — казалось, никакого языкового барьера между ними не существовало вовсе.

Закончив с уборкой, Лю Мухань перебрался поближе к спальному месту и потянулся к мальчику, желая поправить сползшее одеяло, как вдруг вздрогнул от неожиданности. Он в упор смотрел на него широко распахнутыми глазами.

Они были пугающего, неестественного алого цвета — мутные, налитые кровью, словно два зловещих рубина.

— Ты очнулся? — мягко спросил Лю Мухань.

Вместо ответа ребёнок истошно закричал и забился в панике. Он отчаянно брыкался и размахивал кулачками, пытаясь отползти подальше. Деревянная повозка от этих резких движений угрожающе зашаталась.

Лю Мухань мгновенно сгреб испуганного малыша в охапку, крепко прижал к себе и принялся тихо баюкать:

— Тихо-тихо, успокойся. Не бойся, глупенький, никто тебя не тронет.

— Не бейте меня... Пожалуйста, не надо! — взмолился тот, продолжая слабо вырываться, но хватка его постепенно слабела.

— Всё кончено, малыш. Больше никто тебя пальцем не тронет. Слышишь? Те злые люди остались далеко-далеко. Ты в безопасности, — раз за разом монотонно шептал Лю Мухань, согревая его своим теплом и надеясь унять лихорадочную дрожь в измученном тельце.

Мальчик затих. Его худенькая, исцарапанная ладошка робко потянулась вверх и коснулась щеки Лю Муханя. Он смотрел прямо на юношу яркими алыми глазами, но в них не было фокуса — зрачки бессмысленно блуждали в пустоте.

— Я слышу... ты говоришь совсем не так, как они, — прошептал ребёнок сорванным голоском.
— Кто ты? Тебя послали Небеса, чтобы спасти меня? Ты... небожитель?

Лю Мухань взгляделся в эти жуткие, но такие беззащитные глаза. В них не отражалось ровным счётом ничего — взгляд скользил сквозь него. Сердце юноши пронзила острая, щемящая жалость.

— Малыш... ты ничего не видишь?

— А ты... разве тебе не страшно? — вместо ответа тихо спросил мальчик. — Все вокруг твердили, что у меня глаза цвета свежей крови. Что я урод, выродок... Говорили, только чудовища рождаются с таким взглядом. Все меня ненавидели, гнали, желали мне смерти... Тебе правда не страшно? Ты ведь тоже захочешь, чтобы я сдох?

С каждым словом его голосок становился всё ровнее и глуше.

Лю Мухань сжался изнутри от этой жуткой, недетской безучастности. Так звучит отчаяние того, кто испил чашу страданий до самого дна. Тот, кто потерял всякую надежду, больше ни на что не надеется и ни во что не верит.

Лю Мухань осторожно перехватил тонкие детские пальчики и крепче прижал ладонь малыша к своему лицу.

— Чувствуешь моё тепло? Я здесь. И мне ни капельки не страшно. Ты ни в чём не виноват, глупыш. Я никогда, слышишь, никогда тебя не брошу и не позволю тебе погибнуть. Мы будем жить вместе, ладно?

Мальчик замер, словно не веря услышанному.

— Вместе... жить? Правда?

— Правда, — улыбнулся Лю Мухань, чувствуя, как на глаза наворачиваются слёзы. — Отныне я твой старший брат.

— Брат?.. — эхом отозвался найдёныш.

— Брат.

— Брат!

— Да, мой хороший. Спи.